DOI 10.24412/2541-9056-2021-2-39-45

УДК 930

ВЛАСТЬ И НАРОД В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ В.И. ВЕРНАДСКОГО)

В.А. Сомов, Г.В. Егоров

Статья поступила в редакцию 11 марта 2021 г.

В статье рассматривается динамика взглядов В.И. Вернадского. На основании изучения его дневников формулируется вывод о решающем влиянии октябрьской революции 1917 года на мировоззрение ученого. Практика продемонстрировала прочность новой власти. Вернадский как ученый вынужден был признать ошибочность своих ранних представлений о роли народа в политической жизни страны.

Ключевые слова: *власть, общество, российская революция, В.И. Вернадский.*

THE AUTHORITY AND THE PEOPLE IN THE TURNING POINT OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 (BASED ON DIARIES OF V.I. VERNADSKY)

V.A. Somov, G.V. Egorov

The article discusses the dynamics of the views of V.I. Vernadsky. Based on the study of his diaries, a conclusion is formulated about the decisive influence of the October 1917 revolution on the scientist's worldview. Practice demonstrated the strength of the new government. As a scientist, Vernadsky was forced to admit the fallacy of his early ideas about the role of the people in the political life of the country.

Key words: *power, society, Russian revolution, V.I. Vernadsky.*

Владимир Иванович Вернадский (1863-1945 гг.) – блестящий минералог, кристаллограф, геолог, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии, учения о живом веществе и биосфере, о переходе биосферы в ноосферу, ученый-энциклопедист, глубоко интересовавшийся философией, историей религий и общественными науками. Вернадский не только ярчайший представитель русской научной интеллигенции начала XX века, но и активный участник

общественно-политической жизни страны. Судить, насколько ему была небезразлична историческая судьба России, можно по тому, как ученый реагировал на революционные изменения, свидетелем которых ему довелось быть. Кроме прочего, Владимир Иванович Вернадский был известным политическим деятелем, одним из основателей и членом ЦК Партии народной свободы (кадетов).

Особое место в творческом наследии В.И. Вернадского занимают дневники, которые именно в силу своей формальной и содержательной специфики отражают не только результат, но и динамику мировоззрения автора. «Это открытый и предъявленный читателю повседневный личный, выношенный и выстраданный опыт Вернадского, его размышления, убеждения и жизненные принципы, формировавшиеся в контексте перелома эпох», – отмечает О.Н. Яницкий [7, с. 148].

В этом отношении небезынтересны те характеристики, которые были даны ученым проявлениям (подчас – крайним) народовластия, свидетелем которых он был в ходе революционных событий. Сразу нужно сказать, что Вернадский в силу своих политических убеждений, безусловно, поддержал февральскую революцию 1917 г. и резко негативно отнесся к октябрьской. Да и сама идея социализма ему была, мягко говоря, не близка. Вернадский занимает жесткую непримиримую позицию по отношению к большевизму, считая его причиной нарушения гражданского мира. 15 (28) марта 1918 г., находясь в Полтаве, он делает запись, в которой дает негативную оценку социалистической революции как проявлению насилия и неравенства по отношению к «несоциалистам». Последних он определяет терминами «парии и илоты в государстве». Это лица, не имеющие гражданских и политических прав. Такие права, по мнению Вернадского, принадлежат лишь тем, кто думает «определенным образом» – социалистам. В итоге Вернадский призывает к идейной борьбе с социализмом [3, с. 64].

Диктатуру большевиков Вернадский сравнивает с диктатурой низшей расы – расы рабов, способных только разрушать то, что создается интеллектом высшей расы. При этом ученый, по-видимому, разочаровывается в самой идее равенства граждан – основе конституционализма. «Равенство людей – фикция и, как теперь вижу, фикция вредная. В каждом государстве и народе есть раса высшая, творящая творческую созидательную работу, и раса низшая – раса разрушителей или рабов. Несчастие, если в их руки попадает власть и судьба народа или

государства. Будет то, что с Россией…», – пишет он 1 мая 1918 г. [3, с. 77]. Несомненно, что такие резкие суждения были вызваны созерцанием и восприятием трагических событий Гражданской войны. Недостаток информации об истинном положении дел усиливал негатив в отношении большевиков. Слухи, известия с фронтов убеждают Вернадского в трагической сущности революции и большевизма. Так, 25 октября 1919 г. он помещает в дневник запись (вероятно, основываясь на слухах) о смерти историка А.А. Кизеветтера, который на самом деле умер в 1933 году в Праге. Это известие настолько потрясло В.И. Вернадского, что он называет русскую социалистическую революцию «кровавой и позорной», а также впервые фиксирует несоответствие своих ожиданий от падения монархии суровой революционной реальности: «Но то, чего тогда хотел, теперь вдруг оказалось чуждым и чудищем» [3, с. 179].

Эти глубокие эмоциональные переживания, которыми наполнены строки дневника, приводят В.И. Вернадского как истинного ученого и мыслителя к необходимости поиска ответа на эти противоречия. Его не может не занимать вопрос: почему он и его идейные сторонники допустили ошибку, развивая и поддерживая в массах идею гражданского равноправия? 3 ноября 1917 г. он делает характерную запись: «Неужели *рознь интеллигенции и демоса*? (здесь и далее курсив наш – В.С., Г.Е.)» [3, с. 28-29]. Примечательным здесь является пока еще неуверенное признание самой *возможности* отсутствия единства народа и его «лучших представителей» в ходе кардинальных преобразований государства и общества. Далее Вернадский как ученый начинает формулировать выводы, основываясь на собственном критическом, стремящемся к непредвзятости созерцании. С этим приходит понимание трагического *отрыва* интеллигенции от народа. Как, вероятно, нелегко это было признать?! 10 ноября 1917 г. он констатирует: цель всей его жизни – стремление к «безудержной демократии», – должна «получить поправки» [3, с. 38].

Особенно остро «отрыв» от «демоса» Вернадский ощущает во время празднования 1-го Мая. В 1917 году этот праздник был для всех началом нового мира, надеждой на «что-то твердое, возрождающееся в совершающемся вокруг нас бедламе» [3, с. 76]. Либерально настроенная интеллигенция еще хотела верить «в русскую революцию, в мировое демократическое движение» [3, с. 76]. Первомай 1918 г. вызвал у Вернадского лишь нарастающее

презрение [3, с. 76]. Что и говорить, многие представители русской интеллигенции отошли от революции именно по причине неприятия чрезвычайных форм, которые она принимала по мере расширения участия в ней «демоса», по выражению Вернадского. Но он не был бы великим мыслителем, если бы не сумел оторваться от социально и политически ограниченного субъективизма. Время и анализ повседневности постепенно приводят его к критическому размышлению о сущности большевистской революции. Началом перелома можно считать признание народа (а не только интеллигенции) в качестве активного субъекта политической жизни страны. В этом отношении интересна запись от 20 декабря 1919 г., сделанная в Екатеринодаре: «В этот день как-то особенно тягостно переживать ту ломку, которая грозит нам со стороны большевизма… *Может быть, другое переживают низы, сочувствующие большевизму*?» [3, с. 200].

В данном случае важным и симптоматичным является откровенное признание Вернадского возможности наличия у «низов» «демоса», самостоятельного взгляда на развитие ситуации, перспективы развития страны. Низы – это тоже народ в самом политическом смысле этого слова. Вот основа настоящего, а не ограниченного конституционализма! Народ может являться *коллективным субъектом мыслительной деятельности*, а не только объектом воздействия со стороны интеллигенции! Может быть, именно это стало отправной точкой для создания в 1930-х годах учения о «сфере разума» (ноосфере), в которую, безусловно, включен и народ – в самом широком смысле слова – человечество! Не исключено, что именно эти идеи легли в основу методологии исследования самоорганизующихся систем В.И. Вернадского [5, с. 174-175], а, в конечном счете, привели его к мысли о необходимости изучения возможности создания *автотрофного* человека [6] – нового независимого в социальном и биологическом смысле существа, которое «даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений»
[2, с. 303].

Нельзя не отдать должное Вернадскому как ученому! Его научная и человеческая этика не позволяет ему ставить свои политические и идейные предпочтения выше научной истины! Он непрерывно находится в поиске и постепенно меняет свое отношение к большевикам через изменение отношения к народу, к роли интеллигенции в жизни народа! Сначала он признает (что само по себе

замечательно) наличие у большевиков «идейной стороны», пускай и чуждой мировоззрению «передовой части общества». «В большевизме есть идейная сторона – но она так чужда сознательно действенным силам, что, в конце концов, чувствуется ими только как дикая разрушительная сила», – делает он запись 20 октября 1917 г. [3, с. 25]. Большевики здесь противопоставлены «сознательно мыслящей интеллигенции», но в этом противопоставлении – первый шаг к признанию именно за ними «исторической правоты». Сначала Вернадский не без печальной безысходности констатирует: «В сущности массы за большевиков» [3, с. 29]. При этом нельзя не заметить пока еще пренебрежительное отношение к массе («чернь»). 12 ноября 1917 г.: «Большевистское движение, несомненно, имеет корни в населении, в черни, толпе. Она не верит интеллигенции» [3, с. 41].

Постепенно повседневная практика (критерий истины) и ее непредвзятый (научный) анализ заставляют Вернадского задуматься о том, действительно ли цель большевиков (а за ними – народа) разрушить Россию? Немало удивило ученого то, что большевики сохранили те научные учреждения, которые организовывал сам В.И. Вернадский. В частности, 21 января 1915 г. академик В.И. Вернадский огласил на заседании Физико-математического отделения Академии наук заявление о необходимости организации Комиссии по изучению естественных производительных сил страны – КЕПС. А вот что он записал 1 июня 1918 г.: «Неожиданно утром принесли почту из Петрограда… Удивительная в них открывается картина работы научной при большевиках. Все те научные учреждения, в которых я принимал участие, сохранились» [3, с. 88].

Информация о научных планах большевиков удивила Вернадского и, вероятно, заставила частично пересмотреть свои отрицательные характеристики новой власти. 4 июля 1918 г. он делает запись о знакомстве с «большевистскими документами» о Комиссии по изучению производительных сил. Ученый не может сдержать эмоциональной оценки: «Очень интересно, широко» [3, с. 107]. Он искренне удивлен масштабами продолжения и развития его идей. Постепенно Вернадский начинает видеть в большевиках (в народе?) силы, способные сохранить Россию как государство. Это – кардинальная мысль, предопределившая дальнейшую судьбу великого ученого. 26 ноября 1919 г., находясь в Ростове, он делает запись об «огромной опасности» того, что Добровольческая армия «стремится неуклонно к реставрации». Это неприемлемо для Вернадского. Он

выражает сомнение в необходимости ее поддержки, поскольку, по его мнению, «восстановление России не должно идти по пути реставрации». Впервые он ставит вопрос о поддержке большевиков как наиболее «легком и простом» пути «настоящего восстановления новой России?» [3, с. 186]. Будущее России Вернадский видит в творчестве – создании нового! Постепенно он приходит к признанию исторической неизбежности возрождения России именно большевиками. 13 января 1920 г. в Новороссийске он записал: «Большевики все-таки сейчас, так или иначе, восстанавливают Россию» [4].

В результате, созерцание, переживание и анализ изменений (грандиозных!) в общественном и государственном устройстве приводят Вернадского к мыслям о не всегда конструктивной роли интеллигенции, о ее невольном негативном влиянии на общественный исторический процесс. Ну и, наконец, он делает ключевое, в контексте нашей проблемы, признание. 10/23 января 1920 г. Вернадский пишет: «Вчера заходил к С.П. Попову[1], который потом пришел ко мне. Он в очень тяжелом настроении. Хочет уезжать за границу. Говорит, что невмоготу жить при большевиках; поднимал об этом вопрос еще больше года назад в Харькове, но тогда не встретил сочувствия. *Считает русский народ никуда не годным, азиатским. Когда-то и я считал это; сейчас у меня многое изменилось: я считаю главным виновником русскую интеллигенцию с ее легкомысленным отношением к государственности, бесхарактерностью и продажностью и имущие классы. Народ хочет быть теми же имущими классами и у него те же идеалы»* [4]. Вот основа истинного, а не ограниченного конституционализма!

Неслучайно, что первая отечественная Конституция была советской, стала результатом октябрьской, а не февральской революции. Крах надежд русской интеллигенции на «ограниченную» Конституцию предельно четко проанализировал Н.А. Бердяев, который считал, что в России не коммунистическая революция оказалась утопией, а либеральная, буржуазная революция оказалась утопией»
[1, с. 306]. Мы же в качестве резюме хотим заметить, что историческая трагедия русской интеллигенции нового и новейшего времени заключалась в том, что она, будучи уверена в своей миссии интеллектуального и общественно-политического «маяка», путеводной звезды для масс «темного» народа, «демоса», «черни», с трудом

[1] Сергей Платонович Попов – минеролог, профессор, ученик В.И. Вернадского

осознавала отсутствие для этой роли каких-либо эмпирических оснований. Невысокий уровень познавательной рефлексии неоднократно приводил русскую интеллигенцию в эвристический тупик. При этом один из ее ярчайших представителей – Владимир Иванович Вернадский, – продемонстрировал героическую интеллектуальную эволюцию настоящего патриота от ощущения элитарности высшего сословия к признанию за народом его права на власть.

Список литературы

1. **Бердяев Н.А.** Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: АСТ, 2020. – С. 306. – 416.
2. **Вернадский В.И.** Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 303 (288-303).
3. **Вернадский В.И.** Дневники, 1917-1921: В 2 кн. Киев: Наукова думка. 1994. – Кн. 1. – 272 с.
4. **Вернадский В.И.** Дневники. 31 января 1919 – 4 апреля 1920 годы [Электронный ресурс]. – URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/1920_01-1920_04.html (дата обращения 11.02.2021)
5. **Лисеев И.К.** Философские идеи В.И. Вернадского и современная научная картина мира // Вопросы философии. – 2013. – №11. – С. 174-184.
6. **Харламов С.Ю.** Эволюция концепции автотрофности человечества В.И. Вернадского // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. –2008. – №12 (52). – С. 196-201.
7. **Яницкий О.Н.** Дневники В.И. Вернадского: их автор и публикатор // Вестник Института социологии. – 2014. – №2 (9). – С. 133-149.

References

1. **Berdyaev N.A.** Russkaya ideya. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M.: AST, 2020. – S. 306. – 416.
2. **Vernadskij V.I.** Avtotrofnost' chelovechestva // Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli. – M.: Pedagogika-Press, 1993. – S. 303 (288-303).
3. **Vernadskij V.I.** Dnevniki, 1917-1921: V 2 kn. Kiev: Naukova dumka. 1994. – Kn. 1. – 272 s.
4. **Vernadskij V.I.** Dnevniki. 31 yanvarya 1919 – 4 aprelya 1920 gody [Elektronnyj resurs]. – URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/1920_01-1920_04.html (data obrashcheniya 11.02.2021)
5. **Liseev I.K.** Filosofskie idei V.I. Vernadskogo i sovremennaya nauchnaya kartina mira // Voprosy filosofii. – 2013. – №11. – S. 174-184.
6. **Harlamov S.YU.** Evolyuciya koncepcii avtotrofnosti chelovechestva V.I. Vernadskogo // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. –2008. – №12 (52). – S. 196-201.
7. **YAnickij O.N.** Dnevniki V.I. Vernadskogo: ih avtor i publikator // Vestnik Instituta sociologii. – 2014. – №2 (9). – S.133-149.

Для ссылки: **Сомов В.А., Егоров Г.В.** Власть и народ в переломную эпоху Российской революции 1917 г. (По материалам дневников В.И. Вернадского) // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2021. – №2 (19). – С. 39-45. DOI 10.24412/2541-9056-2021-2-39-45